

Одному моему старому другу.

Глава первая

В 1959 году у Флоренс Грин все складывалось так, что порой она не могла с уверенностью сказать, спала ли сегодня ночью. Виной тому были бесконечные волнения по поводу того, стоит ли ей покупать небольшой участок земли со Старым Домом и сараем на берегу, вполне пригодным под склад, чтобы открыть в этом доме книжный магазин, единственный в Хардборо. Возможно, именно неуверенность и не давала ей спать по ночам. Однажды Флоренс видела, как цапля, летевшая над эстуарием, прямо на лету пыталась проглотить только что пойманного ею угря. Но угорь изо всех сил сопротивлялся, стремясь избежать прискорбной участи проглоченного, и время от времени ухитрялся высунуться из длинного клюва цапли то на четверть, то на половину, а то и на три четверти. Однако оба существа проявляли нерешительность, и это было поистине достойно жалости. Каждому, похоже, его задача оказывалась не по силам. И теперь Флоренс ка-

залось, что если она и впрямь ночью *глаз не сомкнула* — кстати, люди часто так говорят, хотя имеют в виду нечто совсем иное, — то уснуть ей наверняка не давали мысли об этой цапле.

Сердце у нее было доброе, но от доброго сердца мало проку, когда речь идет о самосохранении. Более восьми лет из той половины жизни, которую она уже успела прожить, она провела в Хардборо; жила она на очень небольшие деньги — покойный муж оставил ей крошечное наследство — и лишь недавно начала задумываться о том, что неплохо было бы уяснить для себя, правильно ли она живет, а потом, возможно, дать это понять и окружающим. Собственно, в холодной и чистой атмосфере Восточной Англии умение выжить считалось зачастую тем единственным, что можно требовать от человека. Убей или полностью исцели — так считали тамошние жители; либо долгая старость, либо мгновенная смерть и упокоение в соленой земле на заросшем травой церковном кладбище.

Флоренс, с виду маленькая и худенькая, была на самом деле довольно крепкой и жилистой, но в целом весьма неприметной, если смотреть спереди, и уж совсем неказистой, если смотреть сзади. О ней и сплетен-то особых не было — а ведь в Хардборо каждый человек на виду и все увиденное непременно обсуждается. Даже зимой и ле-

том в одежде у нее мало что менялось. Зато все сразу узнавали ее зимнее пальто — это пальто принадлежало к тому типу одежды, о каком говорят: «год продержится, и хорошо».

В 1959 году в Хардборо еще не было ни закуской «Фиш-энд-чипс», ни прачечной, ни кинотеатра (правда, раз в две недели по субботам кино все же показывали), хотя потребность во всем этом и ощущалась; но, уж точно, никому и в голову не приходило, что миссис Грин — именно она! — вздумает открыть в городе книжный магазин.

— Я, разумеется, в данный момент не могу дать вам конкретного ответа — решение зависит не от меня, а от руководства банка, — но надеюсь, что принципиальных возражений против предоставления вам кредита не возникнет. Правда, до сих пор имелись определенные правительственные ограничения по предоставлению кредита частным лицам, но сейчас появились явные признаки послабления — тут я никаких государственных секретов не выдаю. Конкуренентов у вас, само собой, либо не будет совсем, либо их будет очень мало — во всяком случае, те несколько романов, которые, как мне сообщили, выдают для прочтения в магазине шерстяных изделий «Тру-

долюбивая пчелка», конкуренции вам не составят. К тому же вы уверяете, что у вас имеется значительный опыт в книготорговле.

И Флоренс, готовясь в третий раз объяснять, что она под этим подразумевает, снова вспомнила, как двадцать пять лет назад они с подругой начинали работать в книжном магазине Мюллера на Вигмор-стрит в должности «помощник продавца», и у обеих на голове был аккуратно уложенный перманент, а на грудь свисал неременный карандашик на цепочке. Лучше всего она помнила те моменты, когда мистер Мюллер, призвав всех к молчанию, громко, с рассчитанными паузами, зачитывал вслух список продавцов и их помощников, которым по жребию выпало закрывать счета и проверять количество проданного товара. Тогда сильно не хватало парней, с которыми можно было пойти на свидание, и Флоренс очень повезло, что она не только нашла себе пару, но и в 1934 году вышла замуж за Чарли Грина, частенько покупавшего у нее сборники поэзии.

— Да, в молодости мне удалось довольно тщательно изучить это дело, — сказала она. — И вряд ли с тех пор торговля книгами в своей основе претерпела какие-то особые изменения.

— Но ведь на руководящей должности вы никогда не служили и самим процессом не управляли, не так ли? И вот тут, пожалуй, мне стоило бы

кое-что вам рассказать. Можете, если угодно, назвать это дружеским советом.

В Хардборо появилось крайне мало новых предприятий, и одно лишь упоминание о чем-то подобном взволновало застойную атмосферу банка, как свежее дыхание моря, проникшее даже в самые отдаленные уголки суши.

— О, я, право же, не должна отнимать у вас столько времени, мистер Кибл.

— Уж позвольте мне самому судить, есть ли у меня на это время. По-моему, прежде всего, намереваясь открыть книжный магазин, вы должны подумать вот о чем: какова истинная цель этой затеи? Это самый первый вопрос, который следует себе задать, начиная любой бизнес. Надеетесь ли вы оказать нашему городку некую действительно ему необходимую услугу? Надеетесь ли вы при этом на сколько-нибудь значительный доход? Или же вы, миссис Грин, просто упрямо бредете своим путем, довольно плохо представляя себе, в каком, весьма отличном от нынешнего, мире мы, вероятно, будем жить в шестидесятые годы? Я, кстати сказать, частенько сожалею о том, что не существует никаких специальных курсов для желающих заняться малым бизнесом...

Очевидно, подобные курсы для банковских менеджеров уже существовали и вполне мистера Кибла устраивали, и он, оседлав знакомую тему,

заговорил живее, опираясь на собственный немалый опыт. Он, в частности, упомянул о необходимости профессионального ведения бухгалтерии, о различных системах выплаты кредита и о том, как дорого обходятся порой упущенные возможности.

— ...Я бы хотел заострить ваше внимание, миссис Грин, на одном обстоятельстве, хотя с вами, по всей вероятности, ничего подобного еще не случилось; однако же подобную возможность никогда не упустит из внимания человек, обладающий более широким профессиональным кругозором. Я, собственно, имею в виду следующее. *Если в течение определенного периода времени приток денежных средств перестает соответствовать их оттоку, то нетрудно предсказать грядущие финансовые затруднения.*

Уж это-то Флоренс знала хорошо — с того самого дня, когда в шестнадцать лет, получив свою первую зарплату, стала сама себя содержать. Но от резкого ответа мистеру Киблу она все же удержалась. Господи, куда подевалось ее благоразумие? Ведь она была готова к подобным вопросам и собиралась реагировать на них спокойно и тактично — во всяком случае, пока шла через рыночную площадь к зданию банка, прочные кирпичные стены которого были поистине непреодолимыми для господствующих в данной местности ветров.

— Что касается ассортимента книг, мистер Кибл, то, как вам уже известно, мне предоставлена возможность купить почти все, что необходимо, у Мюллера, поскольку они закрываются. — Она ухитрилась сказать эту фразу достаточно спокойно и твердо, хотя внутри у нее все же что-то дрогнуло — с такой силой вдруг нахлынули воспоминания. — Впрочем, точной калькуляции я пока не делала. А что касается стоимости самого Старого Дома и устричного сарая, то вы и сами сочли 3500 фунтов ценой вполне справедливой.

Однако, к ее удивлению, управляющий банком явно колебался.

— Но ведь этот дом простоял пустым много лет, — сказал он. — Впрочем, это проблема не моя, а вашего агента по продаже недвижимости и вашего адвоката — вами ведь Торнтон занимается, не так ли? — Последний был, собственно, упомянут ради красного словца, поскольку в Хардборо имелось всего два адвоката. — Хотя я бы, пожалуй, предположил, что стоимость данной собственности можно было бы еще немного понизить... Этот дом никуда бы от вас не ушел, если бы вы решились все же немного подождать... Знаете, дальнейшие разрушения... повышенная влажность...

— Ваш банк — единственное здание в Хардборо, где нет повышенной влажности, — прервала

его Флоренс. — И вы просто привыкли целый день работать в таких условиях, а потому, наверное, и стали настолько требовательным.

— ...И потом, — продолжал мистер Кибл, — я слышал об иных предложениях — а моя деятельность позволяет мне судить о том, что подобные предложения вполне возможны, — относительно использования этого дома; хотя, конечно, всегда существует возможность перепродажи.

— Естественно, я хочу снизить расходы до минимума. — Управляющий банка приготовился понимающе улыбнуться, но удержался, поскольку Флоренс резко прибавила: — Но ни малейшего намерения впоследствии перепродать дом у меня нет. Я понимаю, это выглядит эксцентрично, когда женщина моего возраста совершает столь решительные шаги, однако я этот шаг уже совершила и назад пятиться не собираюсь. А на что еще, с точки зрения нашей общественности, годится Старый Дом? И почему в таком случае за последние семь лет никто в этом направлении никаких действий не предпринял? Да там половина черепицы отсутствует! А внутри галки гнезятся и жутко воняет крысами. Так, может, будет лучше, если люди смогут туда приходить, спокойно рассматривать книги и покупать их?

— Так вы о повышении культуры населения заботитесь? — В голосе управляющего послышалось и сожаление, и невольное уважение.

— Забота о повышении культуры — это для любителей. И я, разумеется, не смогу содержать магазин себе в убыток. Между прочим, Шекспир был профессиональным торговцем!

Подобные разговоры всегда вызывали у Флоренс слишком сильное волнение, зато она, по крайней мере, была способна испытывать к определенным вещам и любовь, и глубокий интерес. Почувствовав, что она нервничает, мистер Кибл миролюбиво посетовал, что чтение книг отнимает слишком много времени, а как раз времени-то ему постоянно и не хватает.

— Хотелось бы мне побольше свободного времени иметь. У людей, знаете ли, несколько превратное представление о работе банков. Считают, видимо, что банки вообще никогда не закрываются. Честно говоря, у меня крайне редко бывает возможность вечером просто отдохнуть. Только не поймите меня неправильно — я считаю поистине бесценным, когда на прикроватном столике лежит хорошая книга. А уж когда я в скором времени выйду на пенсию, то буду непременно прочитывать хотя бы несколько страниц, пока меня сон не сморит.

И Флоренс невольно подумала, что при такой скорости одной хорошей книги ему хватит более чем на год. А поскольку средняя цена книги — двенадцать шиллингов и шесть пенсов, то... Она вздохнула.